

Н.М. Лебедева

Психология – это важно.

*Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда...*

А. Ахматова

пришла пора вспомнить и о том, из какого жизненного материала (в том числе – «мусора») произрастает наша наука. Накануне моей первой экспедиции к русским старожилам Азербайджана многие молодые коллеги возбужденно говорили: «У нас лучшая в мире работа, Надежда! Где еще есть возможность удовлетворять собственное любопытство за казенный счет!» «Ну-ну, думаю, легко вам говорить, молодым да вольным. А тут дома трое детей по лавкам, а беспутная мать, вооружившись безумными психологическими методиками, изобретаемыми целый год, едет в какую-то тьму-таракань неведомо зачем». Типичный русский сюжет: «поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что...»

Это внутреннее ворчание, однако, не всерьез, а всерьез – мятущаяся душа Стрельца уже замерла в остром предвкушении счастья неведомых скитаний по новым местам, новых знакомств, приключений, веселья и интересной, еще не опробованной, поэтому пугающей и еще более заманчивой полевой работы среди молокан.

Если уж речь зашла о работе, хочется описать, как это происходило. Самое большое счастье – это переезд из

села в село. Счастье – потому что это - вынужденное безделье, счастье – потому что все рядом, в одном кузове большой машины, значит – это время шуток, приколов, душевных песен с неутомимой Олей Комаровой, разлитым в воздухе чувством безотносительной влюбленности всех во вся, ожиданием неизвестности, таким пьянящим и сладостным.

О.Д. Комарова: «Ты меня, работушка, не бойся, я тебя не трону...»

Переезды, однако, дело тяжелое, иной раз ног не чувствуешь, так затекут, да и голод – не тетка, хорошо, если удастся перекусить тушенкой с помидорами «на пленэре» с видом на горы или доли. А то, заботливый Алексей Павленко, желая нас экономно накормить, не один крюк делает по какому-нибудь городку, шокируя местное население

ние вопросом, вызывающим у нас с Олей Комаровой форменную истерику: «А где тут у вас рабочая столовая?». После этого хочется гордо сойти с этой машины и пообедать за свой счет в самом лучшем ресторане.

Приезжаем в новое село, как правило, под вечер. Быстренько распаковываемся, обычно у школы, знакомимся с местной администрацией. Запасаемся водой, расставляем раскладушки, расстилаем спальники. Если еще не стемнело, идем гулять по селу, первая разведка, так сказать. Село живет своей жизнью, кажется закрытым в себе миром, полностью равнодушным к нам и в чем-то даже враждебным. На другой день у всех еще полная дезадаптация, это – наилучший день для дежурства по кухне, и все вертятся здесь. Обычно переезд подгадывался под выходные, чтобы можно было немного прийти в себя и не бежать сразу работать. Если это – воскресенье, с помощью местной администрации заранее договариваемся, чтобы нас пустили в молоканское «собрание». Там сидим чинно, наших молодых людей лукавые старики просят иногда что-нибудь почитать из Библии и прокомментировать. Не помню, чтобы кто-нибудь решился. Прислонятся, улыбаясь, к стенке, а старики с усмешкой отводят глаза. Мы же, по бабьему делу, сидим посреди лавки и стараемся попасть в ритм старинных распевов. Это очень нелегко, даже если «знаешь слова». В общем, хуже работы – все на виду, кажемся полными идиотами, смущающиеся, неадекватные, они нас боятся, мы – их. В общем, «песня». Неудивительно, что первые три дня в каждом селе Валера Степанов изводил нас своей сакраментальной фразой, тоскливо растягивая слова и закатывая глаза куда-то в сторону: «Не поднять нам это село, ох, не поднять...» И смешно, и стукнуть чем-то хочется. Ибо состояние угадано верно.

Молоканские деды после собрания.
с. Ивановка Исмаиллинского района Азербайджана, 1987 г.

А потом... Я никогда не забуду эти классические переходы от сковывающего страха, слабости, неадекватности, полной беспомощности перед этим новым и страшным своей закрытостью селом к состоянию безрассудной отваги, решимости, уверенности, что «смогу, возьму это село!». И надевается платье с длинным рукавом, платок, все внутри собирается и поет, как натянутая тетива, и идешь мимо этих настороженных окон в первый молоканский дом, и говоришь с этими людьми об их жизни, о вере, обо всем, что дорого им... И методики мои где-то проскакивают уже незаметно в атмосфере доверия и расположения, домашнего тепла и общей у нас с ними любви ко Христу... И это – драгоценные минуты и часы, когда все, что мне нужно знать и понимать, на волне любви и участия идет чистым и искренним потоком из одной человеческой души в другую И я больше не боюсь их, а они – меня. И я больше не завидую белой завистью демогра-

фам, которым не обязательно ходить по домам, а можно сидеть в конторе и переписывать похозяйственные книги.

Молоканские бабушки после собрания около нового молельного дома.
с. Ивановка Исмаиллинского района, 1988 г.

Все, пошло, дальше не страшно. В психологии это называется «копинг», т.е. «совладание». Это, наверное, похоже на актерский кураж, когда удается «власть держать над полным залом», это похоже на любовное завоевание. И мне было очень приятно, когда мои коллеги шли в дома, где я бывала, и говорили: «после тебя такое чудесное "поле!"» Я это знала. И это было предметом моей внутренней гордости, гордости профессионала. И я помню, даже как-то удостоилась признания коллег устами Толи Ямскова: «Красиво работаешь, Надежда». Но мучительные состояние до того... Это почти как схватки перед родами...

И все-таки хорошо быть психологом. Многие вещи легче даются твоему пониманию. И в себе, и в других.

Обычно с ним никогда никаких проблем не бывало: выби-
 I «... Коли надо, менее – и так по убывающей.
 / фотографируйте, вот - мы» ютрят как-то странно. Потом
 с Новоивановка ем вы тут занимаетесь?! Вы
 с Кедабекского района, 1987 г. е это?» «Понимаю», - говорю,
 >

Понимаю, почему в село иногда так странно на нас реа-
 как-то попадать в дома после
 ытных, вроде Надежды Дубо-
 с, студенток или аспиранток,
 для антропологов. Например,
 илась (обычно сельчане уже
 учная экспедиция), чувствую,
 ст Люшера (цветовые карточ-
 воги, общей напряженности),

и начинаю объяснять. Какое-то тотальное недоверие и
 даже обида. «В чем дело, - говорю, что вас так пугает?». Они говорят: «А вы не издеваетесь над нами?» «Нет, ко-
 нечно, с чего вы это взяли?» «Да тут ваши девушки при-
 ходили, заставляли нас язык трубочкой складывать, а са-
 ми смеялись. Мы их спросили – зачем?, а они и сами не
 знают. Нехорошо так, мы ведь все-таки люди, и немоло-
 дые». В общем, обида у них была, и я не уверена, что
 смогла ее снять, хоть и старалась. В общем, «поле» испор-
 тить легко, исправить трудно. Психологу это особенно
 хорошо видно. Но такие накладки за мою экспедицион-
 ную жизнь бывали крайне редко. И только у случайных
 людей.

А люди в тех молоканских селах встречались изу-
 мительные! Не забуду одну пожилую женщину, с которой
 познакомилась «в собрании», и была приглашена в гости.
 У нее семеро детей, из которых выжили пятеро. Двое по-
 гибли в афганской войне.

Причем про гибель одного сына она рассказывала
 так: «Снится мне сон: горит огонь в русской печи, а из

печи слышу Ванин голос: Мама! Жарко мне! Спаси меня! Тогда я поняла, что сынок мой гибнет... А потом получила письмо: погиб при выполнении боевого задания. А от друзей узнала: сгорел в танке в тот самый день и час, что я сон видела...А когда гроб цинковый в деревню привезли, я еще не знала, только как будто увидела, как машина с моим Ванечкой к дубу подъехала, где отворот на деревню нашу...Только и сказала: Господи, как же ты меня любишь! И сознания лишилась». Тогда-то я поняла, что неважно, к какой конфессии принадлежит человек, если он так пламенно верит, то и Господь пребывает в нем и с ним.

А потом, когда я попросила разрешения сфотографировать ее с мужем, вышли они на веранду, встали, как перед казнью, прямые и суровые, сказали: «Может, нас за это в тюрьму посадят, но коли надо, фотографируйте, вот – мы». У меня аж слезы на глазах выступили. Я до сих пор помню их красивые скорбные лица.

А мы, конечно, часто и не догадывались, как они нас оценивают и воспринимают, жили своей суматошной экспедиционной жизнью. Были в ней разные моменты, только память как-то услужливо подсовывает самые светлые и радостные. Экспедиция – это время узнавания: мира, других людей и себя самого. Обычно, экспедиционная жизнь происходит более-менее размеренно: приехали, провели исследование (в среднем 8-10 дней на село), поехали дальше, и так – два-три села за экспедицию. Работали обычно в две-три смены, следовательно, было 2-3 начальника экспедиций за летний период. Выбирали удобное время, а уж начальник – какой достанется. Все начальники были свои, значит, нормальные, не помню, чтобы была аллергия на кого-то. Все, как могли, в меру сил, заботились, чтобы наш быт и условия работы были приемлемы. Жили мы, как обычно, в школах, сейчас мне трудно пред-

ставить этот быт, но, вот чудеса памяти!, не помню каких-либо неудобств, хотя, наверняка, они были. Даже самое экзотичное место – школьный туалет (это сооружения разных архитектурных стилей, обычно, за пределами школьного здания) сейчас вспоминается с добродушным юмором. Ходили мы туда группами, под постоянным визуальным контролем азербайджанских детей и подростков. Интерьер описывать не берусь, хотя и помню. Кто бывал – легко может себе представить. Если география и бензин позволяли, то экспедицию старались завершить двумя-тремя днями на море. Смыть экспедиционную пыль, отдохнуть и расслабиться перед Москвой.

Очень хорошо было в этом смысле работать в Абхазии. Помню, в ожидании «памелы», т.е. «голубки» с талонами на бензин (Надежды Григулевич) перед поездкой в высокогорное село Псху, жили мы два дня в доме местного холостяка Юры, как говорится в таких случаях, любезно предоставившего на время свой дворец нашему табору. Это был большой двухэтажный дом с участком, на котором росло все: абрикосы, грецкие орехи, мандарины – жаль, не сезон был, июнь-месяц. На первом этаже дома был камин, который был разожжен в нашу честь в первый вечер. Хозяин угостил нас домашним вином и удалился. Наши молодые люди проявили завидную прыть и незаметно «набрались», несмотря на то, что вино на столе было давно выпито. Они по двое-трое удалялись в хозяйственную пристройку и выходили оттуда со смиренно опущенными глазами и улыбкой Джоконды на лицах. Когда мы заглянули за эту загадочную дверь, мы все поняли – на земляном полу стояли большие бутылки с красным вином, из них вели резиновые шланги. Остальное – было делом техники.

Еще на участке этого дома был ручей, запруженный хозяином так, что получилось маленькое озерцо с травяными берегами. Жарко, хотелось купаться. Вода была обжигающе-ледяная, так что выскакивали с криками как из крещенской проруби. Самый кайф был, когда мы увидели, что с нами в этом водоеме плавают и красивые яркие змеи. Разбираться в их породе ни у кого не было охоты, поэтому купание больше не повторялось.

В Абхазии нашим начальником в то лето 1990 г. был Владимир Большаков. Он полностью соответствовал своей фамилии: большой, добродушный, красивый мужик с окладистой бородой. В общем, мечта молокан. С ним и в Абхазии работать было одно удовольствие. Особенно хорошо было стоять в Тамыше – на диком многокилометровом пляже. По примеру Большакова мы выносили свои раскладушки на берег, ставили их на гальку в нескольких метрах от моря, обильно мазали всякой дрянью от комаров свои нежные лица и спали под гулкий шум прибора... Утром, во время прилива, иногда наши раскладушки оказывались почти «по колено» в воде.

Очень интересно было наблюдать приезд в экспедицию самого, так сказать, высокого начальства – Виктора Ивановича Козлова. Эти приезды добавляли много тайного и явного веселья. Виктор Иванович любил внимание, и требовал его от всех, порой самым экзотическим способом. Помню, улеглись мы как-то в очередной раз спать, почти все - у моря. Виктор Иванович улегся в кузове автомашины. А рядом с нашим лагерем было небольшое болотце, в котором мирно и вполне мелодично квакали лягушки. Мы уже привыкли и их не замечали. Из болотца выходили свиньи и копались в оставленных нами вещах. Бедный Виктор Иванович в первую же ночь объявил им войну. Он разогнал свиней и взялся за лягушек: швырял в

болотце камни, ругал Большакова за выбор места для стоянки, возился, шумел, пел, стонал. В общем, дело кончилось тем, что все повывезли из спальников и пытались заставить лягушек умолкнуть. Бедные твари, одурев окончательно от невиданной агрессии, решили: умирать, так с песней! В общем, ночка была веселая.

На другой день, невыспавшийся Виктор Иванович вылил-таки свое недовольство на бедного Большакова. Большаков ушел в море. Долго можно было наблюдать картину борьбы Большакова с морем: метрах в ста от берега, параллельно ему, мощными саженками плывал Большаков (еле видный) и громко что-то кричал, типа: «А-а-а –а!!!» В общем, как у Горького про буревестника: «Он кричит, и волны слышат радость в смелом крике птицы!» Уж не знаю, слышали ли волны радость в смелом крике Большакова, но мы сначала перепугались – уж не прощается ли он с нами таким вот образом?...А и ничего, покричал, поплавал и вернулся, как ни в чем ни бывало. Как психолог скажу – очень грамотно все сделал. Да и Виктор Иванович как-то подобрел, стал искать другие развлечения. Взглянул на меня: «А ты что такая лохматая ходишь? Давай-ка я тебя постригу». «Ну, думаю, попала». Принялась отнекиваться – скоро, мол, домой, там и постригусь. Ну, нет, не на того напала. Пришлось покориться. Стриг долго, с азартом. Потом с чувством Пигмалиона, смотревшего на свою Галатею, все говорил: «Ну, здорово я тебя постриг?» Я, глядя руками свой непривычный ежик, соглашалась: «Ага, не жарко теперь».

Потом мы поехали в Псху – высокогорное абхазское многонациональное село. Ехали по сложной горной дороге, местами переезжали горные речки, в которых наша машина едва вылезала из воды. В общем, наш шофер проявлял чудеса вождения как на гонках «Формула-1». По пути старались не останавливаться, потому, что нас пре-

дупредили, что в тех лесах орудует шайка беглых разбойников. Добрались, слава Богу, благополучно. Поселились в местной школе, которая была огорожена забором, во дворе росла роскошная трава с невероятными цветами. Райское было место.

Виктор Иванович царил и учил нас жизни. Помню, возвращаются как-то с задания Надежда Григулевич и Виктор Катунин, аспирант В.И. Козлова. Все замечали их взаимную симпатию, но к таким вещам относились с тактом и бережностью. Виктор Иванович, смотря, как они задумчиво бредут среди травы к школе, говорит нам: «Женщины, учитесь, как правильно ходить. Впереди идет мужчина, а она – сзади, с покорно опущенной головой. Так и надо. А вы как ходите? Бежите впереди, задрав нос, а где мужик – даже и не смотрите». В ответ раздавалось дружный хохот женской половины отряда.

Приезды Виктора Ивановича были особенно ценны тем, что, благодаря ему, в экспедиции оживала научная жизнь: вечерами мы обсуждали какие-то спорные теории, в этих спорах рождались новые гипотезы, иногда абсолютно безумные, а иногда – такие, которые потом, через годы, всплывали в мозгу и оказывались очень удачными. Наша «междисциплинарность» в таких спорах была определенным преимуществом – позволяла не заикливаться в рамках одной науки, а искать пути пересечения теорий и подходов, которые давали возможность видеть предмет с разных сторон.

Н.М. Лебедева: «Хорошо думается на молоканском кладбище...».
с. Лермонтово, Армения, 1988 г.

В Псху было удивительное ночное небо, глубокое, темное, звездное, в чаше высоких гор, вершины которых почти смыкались в этом небе. И горный воздух, чистый и неподвижный.

Много было других прекрасных мест и эпизодов, из которых большей частью вспоминаются забавные. Так, в одной из экспедиций с нами был врач, друг Валеры Степанова, тоже Валерий. Он был безумно популярен среди местного населения. Старики зазывали его к себе и за внимательное медицинское обследование поили, кормили и давали с собой. Помню, из очередного похода он принес живого петуха и очень обиделся, когда мы не смогли его зарезать, ощипать и приготовить (это была глубокая ночь). Я уж и не помню, что дальше стало с этим трофеем.

А потом, в армянском селе, у него случился приступ аппендицита, он потребовал водку, зеркало и собирался собственноручно прооперироваться. Сделать этого мы ему не дали и отвезли в районную больницу, где местные коллеги прооперировали его, а он лежал (с зеркалом!) и руководил операцией. Потом, в палате, за ним трогательно ухаживал Валера Степанов, ему даже поставили отдельную койку. Он умудрился насмешить главврача с комиссией, которые, войдя в палату (прооперированный спал, укрывшись с головой), обратились к здоровому Валере Степанову с вопросом: «А вы здесь с кем лежите, с женой?», на что Валера ответил: «Почему с женой? С мужем».

Экспедиции к молоканам обычно заканчивались в Тбилиси, откуда основная часть улетала в Москву, а машина с начальником шла в столицу своим ходом. Мы закупали грузинские вина домой (некоторые – ящиками), как сейчас помню – любимое «Твиши» стоило 2р.50к. за бутылку. Верный Валера Степанов покупал любимой жене Нине духи «Нина Риччи» и прозванивал оставшиеся деньги в нежных разговорах с ней. Последний день мы паковали свои вещи, экспедиционные материалы, бродили по городу, привыкая к цивилизации, мечтали о горячей ванне в московской квартире и в душе немного сожалели о том, что напряженное и одновременно беззаботное время экспедиции подошло к концу. Когда-то следующая?...

Впереди была сырая Москва, работа с материалами экспедиций, которая выливалась в статьи, сборники, монографии, кандидатские и докторские диссертации, международные конференции, а истоком всего была эта прекрасная и неповторимая экспедиционная пора...

